

ЗЕМЛЯ, ЛЮБИМАЯ ПОЭТОМ

Лев КОЛОДНЫЙ

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА Александра Блока в советскую Москву случилась в мае 1920 года.

В записной книжке Блок, по свойственной ему привычке, отметил все дни своего пребывания и все основные события. 9 мая состоялся вечер в «Политехническом зале на Лубянской площади». Он бывал в Художественном театре, выступал в московском Дворце искусств, был еще один «мой вечер в Политехническом зале на Лубянке», встречи с К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко...

Те майские дни можно назвать радостными. Болезнь только подкрадывалась, чувствовал себя сравнительно хорошо.

«Встретила его на вокзале жена профессора Петра Семеновича Когана, давняя знакомая — Надежда Александровна Нолле-Коган, с которой поэт был дружен последние годы.

Встретила и повезла домой. «Мы жили на Арбате, в доме 51, занимающая отдельную квартиру из трех комнат: кабинета, столовой и спальни. Петр Семенович тотчас заявил, что кабинет, как самую удобную комнату, надо предоставить Блоку». Это слова Н. А. Нолле-Коган.

В квартире под № 89 стало шумно. Начались звонки по телефону, визиты гостей, жданные и нежданные, особенно после первого выступления в Политехническом музее.

Первое публичное выступление было назначено на 9 мая. Незадолго до его начала прогремел над Москвой гром, напугавший всех жителей. То было эхо взрыва пороховых складов на Ходынском поле.

На концерт поэт и Коганы шли пешком. Миновали Арбат, центр, направляясь к Лубянской площади, Политехническому музею. Все билеты были распроданы. Перед музеем — толпа народу, давка, столпотворение. У многих в руках цветы.

После лекции Петра Семеновича Когана о творчестве Блока читали стихи артисты Художественного театра. Наконец вышел он сам.

«Все взоры, — пишет Н. А. Нолле-Коган, — устремились на поэта, а он стоит, чуть поблдевший, прекрасный, статный, сдержанный, и я вижу, как от волнения лишь слегка дрожит рука его, лежащая на кафедре». После вечера провожала толпа людей. Цветов было так много, что пришлось их унести домой друзьям.

Пришло после выступления много писем. Среди них — одно от Марины Цветаевой, со стихами. Среди подарков поклонников оказались две куклы — Арлекин и Пьеро. Одну из них Блок увез домой, другую оставил в Москве, на Арбате.

Миновал год, прежде чем Александр Блок вновь решил приехать в Москву, куда его так настойчиво приглашала в письмах Нолле-Коган, желавшая повторить прошлогодний успех и тем самым поправить материальное положение поэта, улучшить настроение. Звали также и дела, связанные все с той же постановкой пьесы «Роза и Крест».

Когда наступил май 1921 года, Александр Блок вновь, в сопровождении друзей, выехал в Москву, имея в виду воспользоваться гостеприимством Коганов.

«На следующий день, — пишет один из современников, — я был у него. Он остановился у знакомых на Арбате в восьмизаточном доме, самом высоком на этой улице. Ходил со двора. Помню, как отперли мне дверь, как он вышел ко мне в переднюю и повел в маленькую комнату, сейчас же направо от входной двери».

В этой московской семье Блок был окружен вниманием и заботой. В 1921 году профессор Коган стал главой созданной тогда Государственной академии художественных наук. Его перу принадлежали капитальные сочинения по истории русской и мировой литературы, вышедшие многими изданиями. Этот мастер культуры, еще до революции перешедший на позиции марксизма, много сделал для привлечения на сторону Советской власти русской интеллигенции. В годы гражданской войны он оказывал посильную помощь не только Александру Блоку, но и Марине Цветаевой, другим талантливым русским литераторам, спасая их от голодной смерти.

Используя свое влияние, профессор и его жена с первых минут появления Блока в Москве сделали все возможное, чтобы по достоинству принять великого поэта.

На вокзал за Блоком был послан комфортабельный лимузин председателя исполкома Моссовета А. Б. Каменева. Эту машину поэт в дневнике назвал «царским автомобилем». На его радиаторе развеялся большой красный флаг.

В один из тех майских дней Блок вместе с Петром Коганом, его женой направился в Кремль. На квартиру члена Политбюро, председателя исполкома Моссовета А. Б. Каменева. Там, в кругу гостей, читал стихи. Любовался с Боровицкого холма видом на Замоскворечье.

Блок отправился в Москву с надеждой на выздоровление. В то время «болезнь мешала и читать и ходить».

Однако «восторг души первоначальный» не в силах уже была вернуть даже земля Москвы. Но он из последних сил занимается деловыми переговорами с театрами о предстоящих постановках своих пьес. Каждый вечер звонил Константин Станиславский, предлагая разные варианты финансовой помощи. Станиславский в разговорах с театральными администраторами доказывал им, что Блок — это Пушкин. В конечном итоге был подписан договор, позволявший как-то прожить последнее лето...

Днем, когда светило солнце, Блок в одиночестве направлялся по Арбату к шумевшему Смоленскому рынку, обойдя шумное торжище, входил на Новинский бульвар Садового кольца, росший там, где сейчас мчатся машины по узкой улице Чайковского. Никем не узнаваемый, садился на скамейку, подставляя лицо весенним лучам, подражая солнцу.

Вечером его ждали в Политехническом музее. На самой высокой литературной трибуне Москвы тех лет. Проходили вечера, по записи поэта в дневнике, «с возрастающим успехом». Доклад о творчестве Блока сделал Корней Чуковский.

Было, как прежде, много цветов, записок, писем и, к сожалению, «гроши» за выступления, неумело организованные.

Окончание. Начало в № за 23 августа.

Слушали его тогда в Политехническом музее Маяковский и Пастернак, кстати, последний впервые представился Блоку перед выступлением и услышал в свой адрес лестные слова.

«В середине вечера, — пишет Борис Пастернак, — Владимир Маяковский сказал мне, что в Доме печати Блоку под видом критической неподкупности готовится «бенефис», разное и кошачий концерт. Он предложил вдвоем отправиться туда, чтобы предотвратить задуманную низость.

Мы ушли с блоковского чтения, но пошли пешком, а Блока повезли на второе выступление в машине, и пока мы добрались до Никитского бульвара (так прежде назывался Суворовский бульвар. — Л. К.), где помещался Дом печати, вечер кончился, и Блок уехал в Общество любителей итальянской словесности. Скандал, которого опасались, успел тем временем произойти. Блоку после чтения в Доме печати наговорили кучу чудовищностей, не постеснявшись в лицо упрекнуть его в том, что он отжил и внутренне мертв, с чем он спокойно соглашался...».

Те, кто присутствовал на этом чтении, пересказывают по-разному этот эпизод, ранивший и без того больную душу Блока.

Корней Чуковский: «Блока очень приглашали в Дом печати, он пришел туда и прочитал несколько стихотворений. Тогда вышел какой-то черный тов. Струве и сказал: «Товарищи! Я вас спрашиваю, где здесь динамика? Где здесь ритмы? Все это мертвечина и сам тов. Блок — мертвец».

Павел Антокольский так излагает слова Струве, забытого давно стихотворца, решившего отомстить Александру Блоку за презрительные отзывы о его творчестве: «Когда меня позвали на этот вечер, я прежде всего переспросил: как — Блок? Какой Блок? Автор «Незнакомки»? Да разве он не умер? И вот сейчас я убедился в том, что он действительно умер».

Профессор И. Н. Розанов: «Появился на эстраде Александр Струве, автор книги стихов «Пластические этюды», где воспевалась хореография, и стал говорить, что Блок исписался, что Блок умер...».

Как ни печально это признать, но «черный тов. Струве» был не одинок в своем отношении к Блоку.

Нечто подобное чувствовал и Владимир Маяковский. По словам Корнея Чуковского, «все наше действие казалось ему скукой и смертью. Он зевал, подсказывал вперед рифмы и ушел домой спать».

Сам Маяковский не скрывал этих чувств и после кончины Блока в статье «Умер Александр Блок» писал:

«Я слушал его в мае этого года в Москве: в полупустом зале, молчавшем кладбищем, он тихо и грустно читал старые строки о цыганском пении, о любви, о прекрасной даме, — дальше дороги не было. Дальше смерть».

Хотя Блок жаловался на самочувствие и действительно был тяжело болен, тем не менее (такова уж была его выносливость) после утомительного выступления в Политехническом музее из двух отделений и злосчастного чтения в Доме печати, нашел силы читать стихи в зале Итальянского общества на Поварской, где его ожидали горячие поклонники.

В последний приезд Блок не ходил, как обычно, в театры, на заседания. «...Следствие этого, — писал он, — у меня появились в голове некоторые мысли, и я даже пробую писать».

Друзья старались сделать для Блока все возможное. К нему пригласили для консультации опытного врача из Кремлевской больницы.

По этому поводу он сообщал матери: «У меня была кремлевская докторша, которая сказала, что дело вовсе не в одной подагре, а в том, что у меня, как результат однообразной пищи, сильное истощение и малокровие, глубокая неврастения, на ногах цинготные опухоли и расширение вен... Я буду стараться вылечиться».

Блоку плохо спалось. Гостеприимная хозяйка оставляла для него на письменном столе листы белой бумаги, втайне надеясь, что гость начнет творить и бумага, может быть, понадобится, что начнет вновь сочинять стихи...

Как ни хотелось ему мучительно писать — ничего не получалось. На бумаге оставались вместо букв какие-то крестики и палочки. Сидя за письменным столом перед окном, за которым виднелась предрассветная Москва, Блок кашлял, стонал, ходил возбужденно по комнате. Напуганная этими звуками хозяйка зашла однажды в комнату и увидела забывшиеся ей навсегда глаза поэта, передать выражение которых не удалось. «В них, — как она пишет, — была скорбь, усталость». Вот тогда Блок признался ей: «Больше писать стихов никогда, наверно, не буду».

Чтобы отвлечь от мучительных раздумий, Н. А. Нолле-Коган предложила Блоку прогуляться по ночной Москве. По тихим, безлюдным арбатским переулкам они направились знакомым путем к набережной Москвы-реки, к тому месту, где возвышался храм Христа Спасителя, а с его площадки открывался вид на реку и Москву.

В небе гасли звезды, цвел сквер, покрытый росой. Блок пришел в себя, прочел стихи Фета, которые начала Надежда Александровна, но от волнения забыла. А Блок помнил все стихотворения.

Последнее выступление в Москве состоялось 9 мая 1921 года на Тверском бульваре, 25, где располагался тогда клуб писателей.

Свидетелем этого выступления стал поэт, журналист и писатель Владимир Гиляровский, обладавший феноменальной физической силой. Только благодаря ей, еще не покинувшей его в 68 лет, Владимир Гиляровский пробился через толпу, набив-

шую зал до предела (потеряв при этом пуговицы на пиджаке), на эстраду, где также расположилась публика. Блок читал много, щедро, читал цикл стихов об Офелии. В те минуты казался Гамлетом, Его горячо принимали, гремели аплодисменты, а он поднимал руку, стараясь приостановить эту бурю. Как пишет В. Гиляровский, «читал разное, без заглавий, совершенно противоположное. Чувствовал ли он, что в последний раз говорит перед Москвой?».

Никто этого, конечно, не знал. У Блока были далеко идущие планы, о них сказал Гиляровскому, с которым его познакомил тогда на эстраде профессор П. С. Коган.

От внимания Блока не ускользнуло многое, что происходило в те годы в Москве: выселение из центра города многих прежних его обитателей (в их квартиры, по решению исполкома Моссовета, въезжали обитатели окраин), заметил и то, что улицы стали шумные, народу прибавилось и среди прохожих «есть красивые лица». Все тогда в городе цвело. Гремели грозы, сияло солнце.

Вот такой запомнилась Блоку Москва, когда он записывал свои впечатления от той поездки. В деревню свою не ездил ни в 1920-м, ни в 1921 году, хотя была она рядом и снилась по ночам.

Судьба подмосковного Шахматова, пережившего гражданскую войну, решалась на уровне «предисполкома Мазурина», он верховодил сходом крестьян двух деревень, Гудина и Шеплякова. Гудинцы хорошо знали, уважали Блоков и настаивали на том, чтобы усадьбу не трогать, шепляковцы требовали ее распродать. Мазурин их поддержал.

Хрестоматийные слова В. Маяковского из поэмы «Хорошо»

Пишут...
из деревни...
сожгли...
у меня...

библиотеку в усадьбе, — сказанные якобы автору поэмы хозяином Шахматова в 1917 году, блоковеды опровергают, как вымысел.

Строения усадьбы — баню, флигель, сарай и т. п. — продали на аукционе и развезли по окрестным деревням, также распродали все имущество, мебель, за исключением икон. Библиотеку погрузили на подводы и распределили между кооперативом, домом отдыха, школой...

Все, что можно было, в усадебном особняке разобрали. Порухенный дом в жатву 1921 года сожгли, чтобы не мозолил глаза и не бередил совесть людскую. Случилось это в те самые дни, когда Блок вернулся из Москвы...

Как ни радовали встречи с поклонниками, с Москвой, Блоку тогда требовалось нечто другое, чего ни столичные друзья, ни «кремлевская докторша» не могли дать...

Когда еще были силы держать в руках перо, в порыве отчаяния так описывал свое состояние и болезнь:

«Сейчас у меня ни души, ни тела нет, я болен, как не был никогда еще; жар не прекращается и все всегда болит... Итак, здравствуем и сейчас сказать уже нельзя: слопала-таки поганая, гнившая, родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка».

Физические и нравственные силы таяли с каждым днем. Но никто не в состоянии был убедить его обратиться в инстанции за какой-либо помощью — врачебной, материальной, любви.

Пытались ему помочь Максим Горький и А. В. Луначарский. Последний писал:

«В ЦК РКП, копия т. Ленину.

Поэт Александр Блок, в течение всех этих четырех лет державший вполне лояльно к Советской власти и написавший ряд сочинений, ученных за границей как явно симпатизирующих Октябрьской революции, в настоящее время тяжело заболел... По мнению врачей и друзей, единственной возможностью поправить его является временный отпуск в Финляндию. Я лично и т. Горький об этом ходатайствуем...».

В Кремле 12 июля вопрос, поднятый наркомом просвещения и писателем, рассматривался на Политбюро. «Слушали: 2. Ходатайство тт. Луначарского и Горького об отпуске в Финляндию А. Блока. Постановили: Поручить Наркомпроду позаботиться об улучшении продовольственного положения Блока».

Как видим, в поездке поэту было отказано. Самочувствие его с каждым днем становилось все хуже. Попытки сменить обстановку для страдальца не прекращались. Спустя десять дней вопрос о поездке А. Блока снова рассматривается в Кремле на заседании Политбюро. На этот раз решение состоялось: «Разрешить выезд А. А. Блока за границу...».

Казалось бы, все хорошо, можно ехать. Но бюрократическая машина на пути из Москвы в Петроград дала сбой. «...Выяснилось, что какой-то Московский отдел потерял анкеты», — пишет в воспоминаниях о А. А. Блоке писательница Е. Книпович, отправившаяся в роковой день 7 августа на Московский вокзал добывать билеты для поездки в столицу, чтобы оформить паспорт и визу. Билеты эти уже не понадобились.

«На другой день, подходя к арбатскому дому, профессор Коган был сражен обрушившимся на него известием. Молодой поэт Вадим Шершеневич стал невольным свидетелем запомнившейся ему драматической сцены, описанной в неопубликованных мемуарах «Великолепный очевидец». «Я помню Арбат. Быстро бежит, шевеля своими тараканьими усами, литераторовед П. С. Коган. Его осанливает седой человек и говорит два слова: — Умер Блок!»

И сухой Коган вдруг ломается пополам, из его рук выпадает сумка для академического папка, и профессор оседает на руки встречного, как будто рушится карточный домик, и начинает плакать, как ребенок...».

Об этом большом восьмизаточном арбатском доме, подымавшемся над классическим особняком бывшего дома Хитрово, куда привел Александр Пушкин молодую жену после венчания в церкви Большое Вознесение, той самой, рядом с которой две недели жил Александр Блок с Любовью Дмитриевной (как все это и как все переплелось!), так вот, об этом доме, облицованном белой плиткой, которой время сохранило свежесть (на совесть сработано), хорошо сказала Марина Цветаева:

«Есть места с вечным ветром, с каким-то водоворотом воздуха — один дом в Москве, где бывал Блок у своего друга Когана. Следы остыли, а ветер остался».

Вечный ветер гуляет теперь свободно по пешеходному Арбату, пытаясь раскатать монументальные шары фонарей, заполнивших улицы, где жили Пушкин и Блок...

На этой улице Блок был провозглашен первым поэтом России наступившего XX века.